

Глава 115: Влюбленность

Чэнь Жун проснулся от чириканья.

Он сонно открыл глаза.

Секунду, две секунды.

Он моргнул, чтобы очистить свой взгляд от нави сна.

Постепенно он ощутил что-то странное под своим телом. Он медленно наклонил голову и, подняв глаза, увидел в нескольких дюймах от себя удивительно красивое лицо.

Он мгновенно покраснел.

Он поспешно приподнялся, желая сесть.

К сожалению, как только он пошевелился, то почувствовал покалывание в конечностях.

Оказалось, что он не менял позы всю ночь.

Чэнь Жун стиснул зубы, расслабил руки и ноги и просто отвернулся.

Затем снова посмотрел на красивого мужчину, на котором лежал.

Его глаза были закрыты, а дыхание было слабым. В утреннем свете на его шелковистых темных волосах проступило несколько искр инея. На его точеных тонких губах также находился мелкий бисер инея, сверкающий и на его ресницах.

Он так сиял, даже во сне. Как будто жемчужины и лунный свет омывали его лицо, так что всякий, кто взглянет на него, будет ошеломлен и ослеплен и не успеет насладиться контуром его лица.

Такова была его красота и несравненная элегантность омеги в силе. Само совершенство, сотворенное эфиром этого мира.

Цилан из дома Ван в Лан'я. Непревзойденный среди самых известных из них. Легендарная личность. Оставшаяся жить в этой реальности. Что его ждет? Он вполне может стать даже императором.

И все же он пришел посреди ночи только ради того, чтобы спасти его, никому неизвестного мальчишку со второсортной кровью.

Чэнь Жун закрыл глаза и снова упал в его объятия.

Бессознательно он расплылся в довольной улыбке.

Только теперь Чэнь Жун ясно понял, что он давно влюблен в него, так восхищенно и глубоко... так что это просто перекрывало все другие мысли.

Вот почему, когда он увидел, что он пришел за ним, он забыл спросить о Старом Шене. Он даже не задался вопросом, один ли он пришел, или как он узнал, что он прячется в этом месте. Кто ему сообщил? А что насчет того приглашения? Зачем он прислал его?

Увидев его, у него не осталось ни капли здравого смысла. Он был просто удивлен и счастлив, что тот пришел ему на помощь; он просто был рад, тронут, счастлив и полон щенячьих эмоций....

Думая об этом, всепоглощающая радость и счастье заставляли Чэнь Жуну, который никогда не испытывал, каково это, когда его любовь возвращается, впервые почувствовать, что мир может быть таким прекрасным... Как бы он хотел, чтобы время остановилось - он был так счастлив, что мог умереть прямо здесь и сейчас!

После некоторого времени мечтаний, Чэнь Жун внезапно вспомнил, что его руки и ноги затекли, тогда как насчет Ван Хуна, спавшего так всю ночь напролет?

Испытывая болезненные ощущения, он быстро вытянул руку и, терпя ужасное покалывание в онемевшей руке, медленно отодвинулся.

Его отнявшаяся рука подогнулась и заставила все тело шлепнуться на бок. Его плечи врезались в стену с громким стуком.

Он перенес боль, приподнялся и посмотрел в сторону Ван Хуна. Когда он увидел, что его глаза все еще закрыты и тот крепко спит, он с облегчением подумал: « К счастью, я его не разбудил».

Он стиснул зубы, оперся другой рукой на оглоблю и медленно спешил. Из-за мучительной боли его белая шея и лоб покрылись холодным потом.

Шаг за шагом, он пробирался вперед.

Фигура Чэнь Жуну едва скрылась в глубине расселины, когда спящий Ван Хун открыл глаза. Он слегка наклонил голову и посмотрел вслед подростку, прежде чем размять своё раненое

правое плечо. Что ж, утренние нужды откладывать не следовало и ему. Но кое-что, оказывается, имело силу, принц был прав... он криво улыбнулся. Во имя будущей власти все средства хороши! Он достал дневник мага и сделал несколько записей.

Система дневников магов еще только начала складываться. Но он уже понял ее плюсы.

Пока все его записи касались только особенностей развития и становления омег. Многие наработки он уже проверил на известных ему благородных омегах из аристократических родов.

Тем временем Чэнь Жун уже в утреннем свете разглядывал логово животного, которое до этого обследовал в глубоких сумерках. Он нашел еще несколько интересных вещей упущенных им ранее, несколько сломанных мечей, кинжалов, лук с давно лопнувшей тетивой, несколько украшений и поясов, изрядно попорченных временем или просто грязных. Разглядывать все добытое он будет позже. Дольше необходимого все же не стоило задерживаться. Он быстро справил свои нужды и сполоснул руки в небольшом ручейке, сочащимся в углу и питающим пышные кустарники. Кустарник зимней голубики – целебного растения, порадовал его крупными, терпкими даже после морозов ягодами, которые он собрал, а сам кустарник заботливо выкопал. Где бы он еще нашел такую редкость? Из этих ягод, покрытых голубым восковым налетом, делались составы, открывающие меридианы одаренных.

При этом он заметил свежий порез на пальце, вроде вчера его не было, но кто знает...Наверное поранился, когда собирал оружие.

Когда Чэнь Жун вернулся, он заметил белоснежную фигуру Цилана, сидящего в открытой повозке.

Услышав шаги Чэнь Жуна, тот поднял голову и мягко улыбнулся.

Словно озаря окружающее, и наполняя зимний воздух сладким ароматом цветов!

Бессознательно Чэнь Жун также расплылся в блаженной улыбке. После того, как он застенчиво посмотрел на него, почти рефлекторно спрятав свою левую руку, держащую горсть дикой голубики, за спиной.

После того, как он обменял их позади себя, он изо всех сил пытался удержать фрукты своей отлежанной правой рукой и смеясь сказал:

— Смотри, я собрал немного диких фруктов. Они съедобны и пахнут божественно. Хочешь попробовать?

Ван Хун мягко улыбнулся. Он взглянул на похожие на виноград плоды снежной голубики и заметил на них несколько капель свежей крови.

Эти фрукты, по-видимому, только что были вымыты, капли воды все еще сверкали на их кожице.

Ван Хун посмотрел на Чэнь Жуна и медленно протянул правую руку.

Он оставался нетороплив и элегантен, но Чэнь Жун, чей ум полностью сосредоточился на нем, обнаружил, что его движения казались немного скованными.

Он подошел к нему и поспешно спросил:

— Твоя рука онемела? — он спал на нем, и даже его руки и ноги давно онемели. Что же чувствовал он, когда спал под ним?

Ван Хун протянул к нему здоровую левую руку, но передумал и быстро переключился на правую.

Цилан все еще улыбался, лаская пальцами щеки юного омеги, его нежный аромат возбуждал и ласкал обоняние.

Его прикосновение пронеслось по лицу Чэнь Жуна, подобно весеннему ветерку.

Затем он тихо отыскал его левую руку и взял в свою.

Он посмотрел вниз, на кремовую руку в своей ладони. Та была красивой и нежной особенно для юноши, с длинными пальцами и маленькими овальными ноготками.

Он повернулся и посмотрел на его указательный палец.

Там был незаживший свежий порез длиной в дюйм. Кровотечение прекратилось, хотя рана была открытой.

Он медленно опустил голову.

Он опустил голову и нежно прижал свои тонкие губы к его раненому пальцу, заставляя Чэнь Жуна трепетать от его интимного прикосновения.

Ван Хун поднял взгляд.

Он держал его палец во рту, посасывая, и в утреннем свете его ясные глаза были настолько поглощающими, что это заставило Чэнь Жуна возбудиться. Томный жар наполнил всё его тело, а палец, казалось пульсировал в некоей неге.

Покрытая инеем прядь его волос игриво упала на его тонкий точеный нос, другая даже скользнула и упала ему на губы ...

Лицо Чэнь Жуна покраснело. Фантазия нарисовала сразу несколько откровенных сцен.

Он опустил голову и, подняв глаза только для того, чтобы робко посмотреть на него, тихо сказав:

— Н-не надо.

Голос у него стал слабым, ноги тоже.

Ван Хун послушно отвел губы, немного окрашенные кровью.

Серебристый луч скользнул от его губ к кончику раненного пальца, отражая мириады цветов. Палец заживал на глазах.

Ноги Чэнь Жуна стали мягкими. Он упал в его объятия, бормоча:

— Не нужно, не нужно...

Он не знал, что пытался сказать.

Все, что он знал, было то, что Ван Хун в этот момент особенно очарователен. Он особенно волновал и возбуждал его. Его воздействие на него оказалось настолько сильным, что странное желание пробежало по его чреслам.

Чэнь Жун жил девушкой и омегой в прошлой жизни. Все, что он действительно знал, это то, что сейчас он сам не свой. Казалось, он хочет, чтобы он что-то с ним сделал. Он хотел, чтобы он слил его с собой, хотел... Он не смеет больше думать.

Ван Хун протянул руку, чтобы поддержать его.

Трепетно, он посмотрел вниз и с беспокойством спросил:

— А Жун, тебе нехорошо? Почему у тебя такое красное лицо? Твое тело лихорадит.

Его глаза слишком добрые и заботливые!

Несмотря на то, что он жил, скрываясь как омега, и никто никогда особенно ему ничего не рассказывал, он прекрасно знал, что вызывает его ненормальную реакцию. Подходящая по

гармонии вибрация силы. Эфир рассудил что этот одаренный ему вполне подходит для обмена силой. Но ведь он омега и ... да подобное просто не возможно!

Его лицо мгновенно вспыхнуло от ушей до шеи. Это какое-то двойное эфирное извращение, ладно, что они оба мужчины. Но они еще и оба омеги!

Он поспешно повернулся и отошел. Подавляя себя, он повернулся к нему спиной, опустил голову и сказал:

— Да, чувствую себя неважно. Мог простудиться.

Это была глупость, потому как одаренные не болели. Эфир очень хорошо защищал своих носителей и омег - особенно.

Он услышал звук льющейся жидкости.

В удивлении он повернул голову.

Он увидел, как улыбается Ван Хун — бусинки инея прилипли к его коже. Склонив голову, он наполнял две чашки вином. Чэнь Жун не задумался даже на секунду, откуда то взялось. Наверное, у такого состоятельного человека как Ван Цилан, мог быть пространственный артефакт.

Его движения были грациозны, а улыбка элегантна. Это изящество привилегированных и элегантность тех, кто не знал о жизненных неурядицах.

Чэнь Жун поднял голову, ошеломленно и немного грустно посмотрел на него, с удивлением обнаружив, что он медленно погружается все глубже... Если когда-либо существовала любовь, которая могла бы унизить такого как он до пылинки, то это потому, что тот полюбил этого человека, подумал он.

Если любовь к Жань Миню заставляла его ощущать безнадежность, то любовь к этому мужчине заставляет чувствовать себя ничтожным.

Чэнь Жун медленно опустил взгляд и положил руку на грудь. Как все эти эмоции неутешительны для такого скромного одаренного, как он. В сущности, он лишь хотел прожить спокойную жизнь, по возможности ни во что не вмешиваясь.